

“В Америке я имела все, что только можно желать”

— Лайма, далеко не каждая русская “звезда” может похвастаться, что еще в советское время ей удалось поработать в Америке. При чем не в ресторане петь...

— Володя Матеецкий как-то сказал мне: “Почему многие говорят о том, чего не было, а у тебя есть что рассказать, но ты молчишь”. Это потому, что я ничего не добивалась. Все произошло само собой.

В 1987 году из США на фирму “Мелодия” приехал Стен Корнелиус. Он был продюсером одного кантри-певца и хотел сделать ему дуэт с певицей из СССР. Получив на “Мелодии” пластинки всех известных в то время исполнителей, он их прослушал и выбрал меня. Конечно, я была согласна, но, когда потом во время гастролей мне позвонили в Сочи и сказали: “Лайма, приехал американец, вы должны сейчас же вылететь на запись”, — была недовольна. Как вылететь? У меня тур, я на гастролях... И все же мне было неловко все отменять.

В Москве мы быстро записались. Американцу очень понравилось, и, когда мы расставались, он сказал: “Я обязательно приглашу тебя в Америку”. Для меня это было пустым звуком, и я быстро об этом забыла. Но в 89-м году мне пришел вызов из Америки: Стен Корнелиус пригласил меня на запись.

— Какие условия вам предложили в Штатах?

— В Америке я имела все, что только можно желать. Меня встретили на “Ролс-Ройсе”. Жила в доме на берегу океана, свой повар, телохранитель... Интересный человек, ветеран вьетнамской войны. Я записывалась на студии Майкла Самбело. Писала рок. Было очень сложно... Я была так загружена, что даже не вполне осознавала, как много дал мне Стен.

— Говорят, благодаря ему вы стали героиней одной из популярных в США телепередач...

— “Текущие новости”, вроде нашего “Взгляда”.

Ее смысл был в том, чтобы найти скандал. А Стен однажды в прессе назвал меня русской Мадонной. Не потому, что я показывала грудь, а потому, что я тоже пела и танцевала. Это и заинтересовало. Меня пригласили на съемки.

Целый день я провела в обществе двух молодых ребят с камерой. Было страшно. Меня снимали на улице, в магазине, в кафе, задавали вопросы, смотрели, на что и как я реагирую... И получилась передача. Она начиналась словами: “Говорят, это русская Мадонна. Нужна ли Америке еще одна Мадонна?” Я смотрела программу с друзьями. Спрашиваю у них: что, что они говорят? Они не перевели мне, потому что думали: сейчас меня размажут по стенке. Но все было совсем иначе, меня очень хвалили. А завершилась передача словами: “Говорят, она выглядит, как Мадонна. Говорят, она поет, как Мадонна. Говорят, она движется, как Мадонна. Но они врут. Она лучше. Хей, Горби, махнемся?..”

Это была потрясающая для меня реклама. Потому что все знали, что эта программа скандальная, и если они хвалят кого-то, то это ценно. Следом за ней приехали журналисты из информационной программы “60 минут”, которым я дала еще одно большое интервью, после чего фирма MCA/GRP, где уже видели мои клипы “Шоколадка” и “Три ветра”, предложила мне контракт.

Когда выяснилось, что у меня контракт с Корнелиусом, адвокаты MCA/GRP меня отвоевали. И я его предала, как теперь понимаю это: ведь он так

много в меня вложил.

— Вы до сих пор это переживаете?

— Время все лечит.

Но имя Стена Корнелиуса я всегда вспоминаю с теплом и благодарностью.

— Вы виделись со Стеном после?

— Нет, мы больше с ним не встречались.

— А те записи, над которыми вы работали?

— У меня не осталось ничего. Все принадлежит Стену. Жаль, конечно. Потому что там была роковая музыка, нечто совсем для меня необычное.

“Я подмешала змеинный яд им в еду”

— После школы вы осуществили свою детскую мечту — поступили в медицинское училище. Что повлияло на ваш выбор профессии?

— Я всегда мечтала стать хирургом. Не знаю, что именно повлияло на мое решение... Может, то, что у меня мама болела. Хотя врачом я захотела стать еще раньше. Меня в детском саду спрашивали: “Кем ты хочешь стать?” Я уже тогда отвечала: “Врачом”.

— А почему именно хирургом?

— Думаю, мне хотелось видеть результат моей работы, что-то точно от меня зависящее. С детства я была естествоиспытателем. Всегда хотела докопаться до сути вещей. Могла целый день пролежать в траве и наблюдать за муравьями. А мои издевательства над головастиками чего стоили: я грела их в стеклянной банке на плите. Мне было тогда около пяти лет, и я очень хотела увидеть, как они превратятся в лягушек.

— Все студенты-медики проходят практику в морге — как вы с этим справились?

— Мне было очень интересно. Я на практику даже с институтскими студентами ходила. Единственное, что мне не нравилось, так это “приют” для собак при училище. Однажды я их всех оттуда выпустила.

— И как на это отреагировали учителя?

— Никто не знал, что это я сделала.

— На собаках ставили опыты?

— Я боялась уязвовать. Но думаю, что да.

— Вы ведь не закончили училище?

— Я не сдала государственные экзамены — уехала на гастроли. И, естественно, потом не стала поступать в институт. Но зато позднее я закончила режиссерское отделение ГИТИСа.

— Семья, наверное, была в шоке?

— Да. Все настолько сжилось с моей идеей, что я стану врачом... В семье с музыкой была связана только бабушка. Она, наверное, единственная поняла бы меня.

— Вы из простой семьи: отец — рабочий, мама — продавец...

— Не продавец, а директор магазина. Хотя прошла весь путь в этой профессии.

— Вы жили вчетвером в однокомнатной квартире...

— Не вчетвером, а вшестером: мама, папа, я, брат, сестра и еще сестра.

— Все родные?

— Старшие брат и сестра — нет. Мой папа на

Рижское взморье, американский бульдог и православная латышка.

много старше мамы и был женат дважды. Но я родилась гораздо позже, мои сестры и брат уже были, так что для меня они родные.

— Вам как самой младшей в семье приходилось, наверное, тяжело?

— Нет. У нас была хорошая семья, я — младший и, наверное, любимый ребенок. Родители снимали квартиру в частном доме. Наша хозяйка, которой принадлежал дом, была мне как бабушка. Все мое детство связано именно с ней. Родители работали, целыми днями я была предоставлена сама себе, и присматривала за мной хозяйка. Она меня очень любила и никогда не наказывала. Все всегда было очень хорошо. Повздорили мы с ней только один раз. Не помню из-за чего, но помню, что я решила ей отомстить. У хозяйки были куры. Я нашла в шкафчике у мамы змеинный яд (для натираний) и подмешала им в еду. Прошел день или два. Мы уже помирились. Я захожу к своей хозяйке, к бабушке — я ее воспринимала только так, — а у нее курица в комнате. Бабушка мне сказала, что курица сильно заболела и может умереть, поэтому должна пожить у нее в комнате. Ах, что я испытывала в те дни, пока курица не выздоровела!.. Я была уверена, что отравила ее. Конечно, не призналась, но переживала страшно. После этого случая я уже никому никогда не пыталась отомстить.

— У вас была кличка?

— Нет. Меня всегда называли Счастынько. Это уменьшительный вариант моего имени: Лаймита — Счастынько.

— А ваши имя и фамилия тоже с латышского как-то переводятся?

— Фамилия никак не переводится. А имя — Лайма — богиня плодородия и удачи.

— У вас в детстве была заветная мечта?

— (Энергично.) Чтобы Маргаритка убралась из детского сада. Она была очень красивой девочкой с большими бантами. Я ее запомнила на всю жизнь. Она отравляла все мое существование, потому что везде была первая. Если мы пели — она в первом ряду, если танцевали — она в центре. В общем, противная такая...

— Потому что вам тоже хотелось быть первой?

— Потому что первой всегда была она. Мне это не нравилось.

— Судя по всему, вы не любите играть с девочками...

— У меня были и подруги, но в основном я играла с ребятами. И у меня не было кукол. Я была фантазершей, очень энергичным и, думаю, желанным ребенком.

— К вопросу о трудном ребенке... Чем занимаются ваши сестры?

— Моя старшая сестра — домохозяйка. Средняя — педагог.